

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.17>

Петрык Янина Юрьевна

"Искусство мысли" как аутодицея: "Философия трагедии" Л. Шестова

Целью данной статьи является анализ феномена трагедии человеческой жизни через призму философско-эстетической аутодицеи. Проблема самооправдания (аутодицеи) тесно связана с важнейшими экзистенциалами, а философская рефлексия в её эстетически-аксиологическом проблемном поле (искусство мысли) невозможна без осознания и оправдания субстанциональных начал индивидуального бытия человека, порождающих "философию трагедии". Через "искусство мысли" человек постигает трагические глубины существования и создаёт уникальную, творчески-самобытную, непохожую на другие аутодицею собственной жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/17.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 88-92. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

История философии

History of Philosophy

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 07.02.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.17>

Целью данной статьи является анализ феномена трагедии человеческой жизни через призму философско-эстетической аутодицеи. Проблема самооправдания (аутодицеи) тесно связана с важнейшими экзистенциалами, а философская рефлексия в её эстетически-аксиологическом проблемном поле (искусство мысли) невозможна без осознания и оправдания субстанциональных начал индивидуального бытия человека, порождающих «философию трагедии». Через «искусство мысли» человек постигает трагические глубины существования и создаёт уникальную, творчески-самобытную, непохожую на другие аутодицею собственной жизни.

Ключевые слова и фразы: аутодицея; панэстетизм; страдание; философия трагедии; эстетическая аутодицея.

Петрык Янина Юрьевна, к. филос. н.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

p_yanina@mail.ru

«Искусство мысли» как аутодицея: «Философия трагедии» Л. Шестова

Со времен немецкой классической философии утвердилось положение о том, что эстетика не только завершает проблемное поле философии, но и служит её основанием и субстанциональным началом, с необходимостью образуя целостный контекст, системность и полноту мировосприятия. Г. В. Ф. Гегель писал: «...высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт *эстетический*» [6, с. 212]. В силу подобной всеохватности и в содержании, и в форме философских текстов эстетическое начало присутствует имплицитно, превращая философию в *искусство мысли*.

Панэстетизм русской философии – еще одно свидетельство неразрывного единства эстетики и любой философской доктрины, где художественный опыт становится основой методологически состоятельной теоретической ориентации, а в качестве высшей ценности провозглашается «внелогическая полнота» и «тенденция к углубленному психологизму» [9, с. 5]. Именно в этой связи Л. Шестов очень тонко подмечает: в любой «философской системе кроме исповеди... (вы) непременно найдете еще нечто значительное: *самооправдание её автора*» [10, с. 138]. Иными словами, философы обращаются к *искусству мысли* не только в силу тяготения к цельности и синтетическому миропониманию, но и в силу *необходимости самооправдания* как возможности теоретически осмыслить *свое личное бытие в мире*, осознать *собственное существование*, объяснить и оправдать *индивидуальное бытие* мыслящего, чувствующего, *претерпевающего* субъекта.

Концепт ОПРАВДАНИЯ имеет «терминологически ценностное этико-философское значение» [1, с. 13]. Оправдание космоса, бога, человека – и более специфические – оправдание *страстей и претерпеваний* (патодицея), оправдание добра (агатодицея) в конечном итоге замыкаются в *аутодицею* – кристаллизующей универсальные смыслы, задающие ценностный вектор существования для отдельного человека в исходно существующем мире культуры. *Необходимость оправдания* возникает перед лицом бессмыслицы, абсурда или несправедливости мироздания, ведь в основании различных типов «дицей» лежит факт наличия зла в мире, требующий своего объяснения, а *ценность данного концепта* определяется тем, что посредством данной категории «воспроизводятся базовые духовные константы человеческого бытия» [2, с. 137], являющиеся инвариантными в любую эпоху и в любой культуре.

При этом *актуальность* исследования *аутодицеи* выражена в недостаточной разработанности данной проблемы, полисемантической определению, которое предполагает поливариантность истолкования и не отличается универсальностью и полнотой, а также в «отсутствии единого метода» [3, с. 17], позволившего рассматривать проблему целостно во всех аспектах и нюансах экзистенциальных смыслов.

Содержательно *научная новизна* статьи воплощена в следующих тезисах: необходимости выявить мировоззренчески обусловленные особенности понимания «философии трагедии» через призму «самооправдания»

автора; обозначить аксиологическую взаимосвязь и понятийно-категориальный статус «трагедии», «страдания» и «аутодицеи»; обнаружить в рамках эстетико-аксиологической антропологии Л. Шестова, «неакадемической» по стилю философствования, особенность концепта АУТОДИЦЕИ.

Наша главная **задача** – осветить основные приемы и подходы в понимании «аутодицеи» как философского феномена, ставшего неотъемлемой частью философской рефлексии двадцатого столетия.

«Искусство мысли», а стало быть, эстетически и аксиологически ориентированная философия, стремясь разрешить мировоззренческие проблемы, изначально ставила трагические вопросы и приходила к антиномичным выводам, которые в итоге стимулировали нравственный рост личности. Экзистенциалы «*страдания*», «*верь*», «*надежды*», «*любви*» «неизбежно сплетались в одну теоретическую линию *антроподицеи*» (*оправдания существования человека как такового*) [5, с. 319], из которой со всей очевидностью логически эксплицировалась наиболее личная, партикулярная интимная линия *аутодицеи* (*самооправдания личного бытия*).

Одна из работ Л. Шестова начинается словами: «...нужно оправдываться – сомнений быть не может...» [10, с. 319], и далее автор продолжает: «...вопрос лишь, с чего начать: с оправдания формы или содержания...» [Там же]. Вместе с тем пафос повествования философа не оставляет и тени сомнения в том, что мыслитель одновременно артикулирует и художественное своеобразие (форму), и уникальность ментальных картин русской мысли (содержание).

Концепт АУТОДИЦЕИ как самооправдания – феномен, известный в русской философии. Наиболее ярко он проявился в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева. *Исповедь самооправдания* мыслителя содержала в себе интересные элементы «отрицательного патриотизма», где любовь к Родине вовсе не нивелировала возможность критики самых «проблемных» и трагических перипетий её существования. Поэтому его *аутодицея* – это активная гражданская позиция философа, вариант социально-политической аутодицеи, то есть самооправдания гражданина своей страны.

Л. Шестов стремился психологически тоньше и глубже, смещаясь в сторону *интимно-личностного субъективного смысла*, пересмотреть проблему самооправдания. Философ писал: «...никакие гармонии, никакие идеи, никакая любовь или прощение – словом, ничего из того, что от древнейших до новейших времен придумывали мудрецы, – не может *оправдать* бессмыслицу и нелепость в судьбе отдельного человека...» [Там же, с. 221]. В его понимании *аутодицея* – это *личная трагедия*, преломление частных, индивидуальных, персональных *страданий* несчастной жизни, где «мечтать о том, что океан станет думать о судьбе щепки – нелепо» [Там же, с. 120], а сомнение в том, «стоит ли думать о том, что индивидуум, то есть *один из миллиардов случаев*... объективации (воли), оказался раздавленным» [Там же, с. 240], становится основополагающим.

Для Л. Шестова очевидно, что субстанциональным фактом человеческой жизни является *страдание*. Понятое само по себе, независимо от социально-политического и культурного контекста, оно максимально лично и субъективно, но при объективном и закономерном характере жизни «естественный порядок вещей смеётся над гуманностью...» [Там же, с. 157]. «Не удалась одна жизнь – нет в том беды. Природа производит индивидуумов миллионами, и её задача *не в сохранении и развитии отдельных экземпляров*, а в совершенствовании вида, породы...» [Там же, с. 241].

Смысл философии Л. Шестова состоял именно в экспликации этого *личного, уникального, индивидуально-го* в природе и культуре, его основная задача состояла в создании такой *аутодицеи*, где возможно «*оправдать* свое несчастье, вернуть *свою* жизнь» [Там же, с. 224]. Ведь никакая внешняя объективная наличная данность, всеобщность и унифицирующая универсальность, «ничего: ни счастье всего мира, ни торжество какой хотите идеи, не может... *дать смысл... собственной трагедии*...» [Там же]. Л. Шестов был глубоко убежден, что в конечном итоге необходимо признать, «что вся культура, весь мир ничего не стоят, *если нельзя спасти одного*...» [Там же, с. 256]. Объективно все понимают, что сохранение вида еще не включает в себя счастья индивидуума, но в этом и состоит венец *философии трагедии* в понимании русского мыслителя – в необходимости осознать собственное *трагическое бытие и страдание* и выявить его *ценностный смысл*.

Подзаголовком «Философия трагедии» Л. Шестов снабжает работу под названием «Ницше и Достоевский», стремясь на основании анализа их философии построить целостное представление об *аутодицее*. Если философия есть *искусство мысли*, то единственное истинное назначение философии состоит не в создании строгих логических систем, нормирующих и ничего не объясняющих сердцу метафизических схем, ведь «философия хочет быть во чтобы то ни стало “наукой”, такой же наукой, как математика», а в создании «*поэзии собственной жизни*» «в самых малых и повседневных её проявлениях» [Там же, с. 112]. Вслед за Ф. Ницше Л. Шестов повторяет: «...*страдание* делает человека аристократом... отделяет его от других» [Цит. по: Там же, с. 130], полагая, что немецкий философ «вполне осознавал связь своей философии со своим несчастьем» [Там же, с. 131]. Тем самым Л. Шестов от признания онтологической сущности *страдания* переходит к его экзистенциальности и феноменальности.

В работе «Великие моралисты» А. А. Гусейнов писал: «*Страдание* есть единственная всеобъемлющая реальность, с которой имеет дело духовно притязательный, *нравственно совершенствующийся индивид*» [7, с. 82], «страдание – это субстанциональное свойство сущего» [Там же]. Действительно, в философии XX века *онтологические проблемы страдания* заняли центральное место в творчестве многих экзистенциалистов (Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Марсель), а к середине прошлого столетия критическое обострение бытийных проблем человека и вовсе превратилось в *апологию страдания*. Однако при всем многообразии экзистенциальных изысканий вопрос так и не обрел теоретической ясности.

Страдание действительно онтологично и при этом экзистенциально и феноменально: может обладать и этическим достоинством, и метафизической, аксиологической значимостью, может находиться на очень высоком ценностном уровне, однако одной из существеннейших проблем философской аксиологии остается принципиальная *инфиниция экзистенциалов* – «неизмеримость интимно личностных пафосов человека» [8, с. 131], отсутствие критериев структурности и системности феноменов человеческой жизни. Вместе с тем очевидным остается одно: *страдание* – это *уникальное духовное образование, особая форма иррационального сознания, которая одновременно содержит в себе мощнейший стимул для вполне «рационалистичного» выбора стратегии собственной жизни*. Индивид под тяжестью заранее заданной культуры «самостоятельно» решает вопрос «близости» с ней: насколько он стремится быть интегрирован в поток жизни или уйти «в подполье» (Ф. М. Достоевский), объединиться, найдя собственные аргументы *самооправдания*.

Действительно, понятия *страдания, трагедии и аутодицеи* оказываются максимально сопряжены друг с другом. Ведь *инфиниция самой аутодицеи* коррелирует с *полиморфизмом страдания и имманентностью трагедии самой человеческой жизни* и препятствует предельно четкому определению данных феноменов. В этом смысле актуальность статьи обусловлена в первую очередь необходимостью категориального анализа *страдания, аутодицеи и трагедии человеческой жизни*, которые имеют весьма противоречивое сложное философское содержание. На данном этапе не существует единой теоретической модели, объясняющей в полной мере удивительный синтез этих трех начал, поэтому основной задачей статьи являются обнаружение и анализ сущности данного триединства.

Человек в разные эпохи пытался определить свою сущность, свое предназначение, *оправдать* собственное существование, и эти поиски так же разнообразны, как определение причин *страдания* и *варианты аутодицеи*. Суммируя всевозможные точки зрения, можно сделать вывод о необходимости дедуцирования *моделей страдания и вариантов аутодицеи*, а также, что немаловажно, необходимости понимания *назначения страдания*, что не только позволяет упорядочить и систематизировать многочисленные представления, исходя из всего накопленного философией и религией опыта, но и выявить его *конечный смысл*, ведь человек – существо, всегда вопрошающее о смысле.

Страдание – это сложный эмоциональный и интеллектуальный процесс, где важнейшим вопросом оказывается его ценностное назначение. В аксиологическом поле горизонты его достаточно широки: от **катарсически-нератической модели страдания**, в рамках которой возможна *очищающе-возвышающая аутодицея человека* (С. Кьеркегор), к **эвристически-онтологической модели**, ведущей к самопознанию и определению топоса человека в мире, как варианта аутодицеи (М. К. Мамардашвили), до **эстетически-воспитательной**, где страдание не только является основой существования и жизнотворчества, но и сутью самооправдания красотой (Ф. М. Достоевский, Ф. Ницше). А в рамках русской религиозной философской мысли рождается **сотериологическая** – спасительная *модель страдания*, в которой оно есть и возмездие, и кара, но вместе с тем и искупление, путь к спасению как вариант *аутодицеи*. Таким образом, приведенные *модели страдания* коррелируют с вариантами *аутодицеи* каждого конкретного человека – в названии каждой модели уже присутствует стратегия *самооправдания*, а искусство мысли, то есть сама философия, смещается в сферу *софотерапии* (Н. А. Бердяев) или *логотерапии* (В. Франкл) – спасение мудростью философского знания, имеющими явно психологический, клинический эффект.

В этой связи, размышляя о психоэмоциональной сущности человеческого *страдания*, а также импонируя *эстетически-воспитательной модели*, Л. Шестов отмечает: «...читатель, пожалуй, допустил бы выражение “психология трагедии”» [10 с. 137], ведь «мудрость официальных мудрецов всегда смотрела на *страдание* как на нечто нелепое, бессмысленное, ненужное по своей сущности» [Там же, с. 309]. Таким образом, любое теоретизирование на данную тему не менее нелепо, тем более что «трагедии из жизни не изгоняют никакие общественные переустройства» [Там же, с. 315]. Это факт, который не перечеркнуть: «...с судьбой ничего не поделаешь! Она равнодушна ко всем нашим проклятиям... её не проймешь!» [Там же, с. 130]. Действительно, это скорее поле деятельности психологии, а не «философия трагедии». Но мыслитель отмечает, что в современном мире сциентизма, который экстраполирован и на философию, где она непременно должна стать «наукой» и «теорией», философию «выручает теория познания» [Там же]. Вместе с тем, оставляя вопрос о наукообразности философии, мыслитель вопрошает с предельной четкостью: а «возможна ли *философия трагедии*?» [Там же, с. 145].

Отвечая на поставленный вопрос, Л. Шестов со всей очевидностью замечает: сколько бы ни пытался человек дистанцироваться от проблемы – забиться в искусстве или в науке, но *ценностный перелом* отменить невозможно. Рано или поздно человек приходит к «метафизике» собственного *страдания*. «Здесь-то и начинается, – пишет Л. Шестов, – *философия трагедии*... *Надежда погибла навсегда, а жизнь есть, и много жизни впереди... Умереть нельзя, хотя и хотел...*» [Там же, с. 197]. Именно на данном этапе рождается «настоящая истинная философия» [Там же, с. 200], «*философия трагедии*», состоящая «в невозможности начать новую, иную жизнь» [Там же, с. 213].

Л. Шестов апеллирует к следующему тезису: ни темперамент, ни характер человека, ни изначально усвоенные ценности не в состоянии упразднить этого *ценностного перелома*: «Характер тут ни при чем... (просто) существует *две морали... мораль обыденности и мораль трагедии*» [Там же, с. 295]. *Мораль обыденности* действует в рамках рутинного неосмысленного бытия человека, живущего по инерции, однако как только человек составляет себе труд задуматься о собственной жизни – вступают в свои права физика и метафизика, семантика и прагматика *человеческого страдания*, а в конечном итоге рождается *философия трагедии* – философия *трагедии человеческой жизни*. В философской саморефлексии, отрекаясь от самодовольства, «впуская в себя трагедию», разум не может отделить себя от нравственных проблем, порождая *мораль трагедии*.

Без сомнения, потребность в философском осмыслении *трагедии* присутствовала в истории мысли изначально. *Трагедия* – имманентное свойство человеческого бытия, поэтому экспликация понятий трагического и трагедии в философии культуры, связанных с антропогенезом человека, и является важнейшей составляющей аксиологии. *Страдание* – это всего лишь внешняя канва глубокой трагедийности человеческой жизни. Сама жизнь, как бы счастливо она ни сложилась, – всегда *трагедия*. Это *трагедия* поиска самого себя, собственной аутентичности, *трагедия выбора, когда необходимо выбрать из двух равнозначных противоположностей*, трагедия поражения, трагедия свободы и трагедия конечности собственной жизни. *Трагедия* как философско-мировоззренческая проблема – это трагедия иллюзии свободы, когда верность собственным нравственным ценностям и идеалам вступает в противоречие с существующими «нравственными» нормами, а «несвоевременность» и несовременность собственных идеалов и убеждений, увы, приводят к компромиссу, а то и вовсе к гибели определенной системы ценностей в «масштабах» отдельной личности.

Однако в рамках философского знания, в «искусстве мысли» трагедия всегда представлялась не просто эмоционально-концептуальной конструкцией, а способом обретения нового онтологического статуса человека: собственную трагедию необходимо самостоятельно оправдать. В этом смысле очевидно, что осознание *метафизической трагедии человеческой участи* – дело избранных – величайших философов и поэтов. «Мировая скорбь», невероятная по глубине и накалу, не идет ни в какое сравнение с неудачами простого обывателя. Но не следует забывать, что философ освещает путь любому мыслящему существу. В сущности, речь идет не об элитарности осмысления *трагедии и страданий* человеческой жизни, а о том, что и *аутодицея* – это удел только очень глубоких душ.

А. Белый, увлеченный творчеством Ф. Ницше, написал: «Глубокое мировоззрение всегда трагично» [Цит. по: 4, с. 195]. Л. Шестов в своем произведении именно по этой причине обращается к Ф. Ницше. В его понимании Ницше не только глубокий мыслитель, страдающая личность, но и представитель очень близкого русской культуре панэстетизма, в рамках которого Ф. Ницше и была создана эстетическая антроподицея – оправдание человеческой жизни искусством. На основе эстетической антроподицеи Ф. Ницше Л. Шестов стремился эксплицировать собственную эстетическую *аутодицею* во всей полноте, как возможность создать «поэзию собственной жизни» «в самых малых и повседневных её проявлениях» [10, с. 112].

Подводя итог, следует отметить, что в своей основе оказывается невероятно важным *духовно-преобразующее значение страдания*, которое в наш прагматичный утилитарно-материальный век оказывает практическую помощь человеку: свидетельствует о необходимости *приложения творческих усилий для самоосуществления*. Человек еще не рожден человеком, он становится им или не становится, осуществляя себя.

Трагедия – сгусток внутренних противоречий, глубочайший конфликт в предельно насыщенной форме, во всем разнообразии жизненных перипетий. Однако Л. Шестов заимствует в эстетике Ф. Ницше страдание не как пассивное претерпевание, не просто боль от бессмыслицы и абсурда, но, напротив, – *избыточность*. Любой пафос в жизни человека избыточен, а страдание «глубокого» человека происходит от невыносимой полноты смысла, оправдание которого происходит только в искусстве, то есть утверждается только в эстетическом плане бытия. Решение *проблемы страдания, по Ницше, – не в личностной рефлексии, но в «самоизобретении» по воле культурной матрицы, в «изобретении» собственного другого и в диалоге с этим другим, в «договоре» с ним.* Для Л. Шестова настоящая *трагедия культуры* – гибель индивидуальности, уникальности каждой личности, которую грядущая массовая культура сотрет, обречет на погибель и отчаяние, а *трагедия человека* – это трагедия отъединенности и одиночества личности, запертой в свой собственный умвельт, которой нет дела до культуры. Именно в этом противоречии мучительно пребывает человек – в этом и есть «факт» *философии трагедии* по Л. Шестову, именно в этом живом опыте реальной нравственной жизни, а не в строгой теоретической рефлексии видит он *аутодицею человека*.

Аутодицея – это особая аксиологическая процедура, которая требует напряжения всех нравственных и творческих сил человека, связанных с духовным началом, со всем спектром духовных ценностей, особая эстетическая интуиция в оформлении внешнего предметного мира и внутреннего бытия собственной личности. Трагедия неизбежна, страдание неизбежно, но *аутодицея* как особая стратегия самоосуществления, которая концептуализирует до конца невыразимые самобытные проявления духа, мыслится как граница логически выразимого во внутренней жизни человека, открывая бесконечные возможности самоопределения.

Философия трагедии – это феноменология *страдания*, которая неизбежно влечет за собой *аутодицею*. В какие бы сложные перипетии драматической истории современности ни попадал человек, потенциально он сохраняет в себе «искусство мыслить» и способность строить собственную жизнь по законам художественного произведения. Несмотря на то, что современный человек нередко путает красоту и красоту, эстетику и эстетизм, а иногда даже прекрасное и безобразное, разрушая и уничтожая поэзию в мире и в себе, он может быть оправдан. *Аутодицея* всегда имеет эстетический характер: это самооправдание человека красотой, которую он сам создает, хранит и просто носит в своем человеческом облике и лице.

Список источников

1. Алоян Н. Л. Трагедия как модус бытия человека (философско-антропологический аспект): автореф. дисс. ... д. филос. н. Ставрополь, 2008. 41 с.
2. Барышников В. П. Аксиология личностного бытия: монография. М.: Логос, 2005. 247 с.
3. Вадеев А. Г. Феномен страдания в культуре современности: автореф. дисс. ... к. филос. н. Н. Новгород, 2005. 26 с.

4. **Валентинов Н.** Два года с символистами / предисл. и примеч. Г. Струве. М.: XXI век – Согласие, 2000. 382 с.
5. **Гагарин А. С., Малышев М. А.** В зеркалах экзистенции: очерки по истории философии и культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 324 с.
6. **Гегель Г. В. Ф.** Работы разных лет: в 2-х т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 668 с.
7. **Гусейнов А. А.** Великие моралисты. М.: Республика, 1995. 351 с.
8. **Додонов Б. И.** Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
9. **Егоров Б. Ф.** Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. М.: Летний сад, 2009. 664 с.
10. **Шестов Л. И.** Философия трагедии. М. – Х.: АСТ; Фолио, 2001. 480 с.

“Art of Thinking” as Autodicy: L. Shestov’s “Philosophy of Tragedy”

Petryk Yanina Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Kuban State University, Krasnodar
p_yanina@mail.ru

The article analyses tragedy of human life through the lenses of philosophical and esthetical autodicy. The problem of self-justification (autodicy) is closely associated with the basic existentials, and philosophical reflection in its esthetical and axiological aspect (art of thinking) presupposes recognition and justification of substantial elements of human existence, which constitute “philosophy of tragedy”. Through “art of thinking” a human understands tragic depths of existence and creates unique autodicy of his life.

Key words and phrases: autodicy; pan-aestheticism; suffering; philosophy of tragedy; aesthetic autodicy.